

Идеология в обществе позднего модерна: исчезновение или трансформация?*

Дмитрий Руденкин

Кандидат социологических наук, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Уральского федерального университета
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru

Алексей Логинов

Кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Уральского федерального университета
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: alexeyloginov@urfu.ru

Статья посвящена рассмотрению специфической роли, которую в политической реальности общества позднего модерна играет феномен идеологии. Во введении авторы статьи отмечают как устойчивый интерес к вопросам конкуренции идей и идеологий в современном мире, так и нарастающие сомнения в применимости сложившихся теорий идеологии для описания и осмысления подобной конкуренции. Далее, понимая идеологию как ориентированные на действия системы убеждений, авторы рассматривают сложившиеся в социально-гуманитарной науке наработки в области описания статуса таких систем в обществе позднего модерна. Авторы отмечают, что версии о полном исчезновении идеологии из политического процесса общества позднего модерна не находят полноценных эмпирических доказательств, несмотря на то что некоторые аргументы сторонников таких версий вполне убедительны. В ходе анализа теоретических моделей позднего модерна авторами показано, что общество этого периода создает особые условия для проявления идеологии, выражающиеся в диверсификации информационного пространства, снижении роли политических партий, имиджевой дискредитации многих фундаментальных идеологических проектов и редукции классовой борьбы. Базовые гипотезы авторов соотнесены с результатами собственного социологического исследования идеологической конкуренции в российском обществе накануне выборов в Государственную Думу 2016 года, что позволило в итоге описать идеологию в современной России как гибридную по ценностному ядру, локальную по своей риторике, дисперсивную по субъектам артикуляции систему. Таким образом, авторы обосновывают тезис о принципиальной возможности описания политических процессов общества позднего модерна с использованием термина «идеология», который в новых условиях не утрачивает своих эвристических возможностей, но приобретает новые свойства и требует «перенастройки» методологического аппарата самих социальных наук.

Ключевые слова: идеология, постсоветская Россия, модерн, общество позднего модерна, социализм, консерватизм, либерализм, ценности

© Руденкин Д. В., 2018

© Логинов А. В., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-197-220

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, проект № 17-18-01165.

Логика развития современной социально-гуманитарной науки наталкивает на мысль, что в настоящий момент все большую актуальность вновь приобретают вопросы о конкуренции идеологий, ценностей и видений развития общества, циркулирующих в различных социальных и политических контекстах. Титульной проблематикой всемирных социологических конгрессов в 2014 году в Йокогаме и в 2018 году в Торонто становятся вопросы социального неравенства и справедливости, осмысление которых традиционно служило отправной точкой для большинства идеологических направлений, оформившихся в истории общественно-политической мысли. Президентами международной и американской социологических ассоциаций в 2010–2014 годах были избраны известные представители современного неомарксизма: М. Буравой и Э. Райт. Трижды за минувшие 10 лет премия Юхана Шюте за вклад в развитие политической науки присуждалась ученым, внесшим значительный вклад в изучение эволюции доминирующих ценностей и идеологической конкуренции в разных регионах мира: в 2011 году ее был удостоен Р. Инглхарт, в 2015 году — Ф. Фукуяма, а в 2016 году — Ю. Эльстер. За последние 10 лет в профильных академических журналах издательства «SAGE» было опубликовано несколько тысяч научных работ, посвященных различным проявлениям классических и неклассических идеологий в современном мире. Иными словами, сразу многие, казалось бы, частные и напрямую не связанные между собой тенденции в совокупности свидетельствуют об интенсивном внимании современной социально-гуманитарной науки именно к вопросам конкуренции видений развития общества и идеологического соперничества, которые еще в 1990-е годы воспринимались многими учеными как не столь значимые.

У этого ренессанса интереса общественных наук к проблемам конкуренции видений развития общества прослеживаются объективные причины. Частые экономические кризисы, охватывающие страны Европы и США, на фоне относительно успешного развития многих азиатских и ближневосточных государств вызывают дискуссии о разумности тех либерально-рыночных идей, которые были положены в основу европейского и американского образа жизни. Активная деятельность террористических и криминальных сообществ (в сочетании с порой этически спорными решениями противостоящих им спецслужб) актуализирует споры о границах дозволенного в государственной политике по поддержанию общественной безопасности. Возрастающие потоки мигрантов из мусульманских государств в страны Европы, многие жители которых исторически придерживались в основном светских или умеренно христианских норм, стимулируют в этих государствах активные и порой весьма жесткие дискуссии не только о религии, но и о приемлемых нормах морали. Эти, как и многие другие, тенденции свидетельствуют о том, что во многих (если не во всех) странах современного нам мира действительно обострился вопрос о наиболее приемлемых векторах дальнейшего развития социума. Учитывая остроту и актуальность таких вопросов, закономерно не только стремление ученых к осмыслению релевантных тем, но и их обращение к некогда утратившим интерес разработкам в области анализа идеологий:

конкуренция фундаментальных проектов развития общества в истории социально-гуманитарной науки чаще всего описывалась именно как идеологическое соперничество.

Тем не менее на данный момент сохраняется важный и, к сожалению, нерешенный методологический вопрос о корректности описания соперничества между разными видениями развития общества именно в терминах конкуренции различных идеологий. Классические теории идеологий, как и их типологии, формулировались относительно давно, и их первичной основой была социальная реальность, ощутимо отличающаяся от состояния мира начала XXI века. Даже теоретические дискуссии о возможности деидеологизации коллективных представлений, которые наметились в социально-гуманитарной науке в 1960-е и 1970-е годы, показали: термин «идеология» (по крайней мере, в своем классическом смысле «искаженной» в угоду классовым интересам картине мира) не всегда может быть адекватно применим для анализа тех явлений, которые заявили о себе уже после его введения в категориальный аппарат науки. Поэтому не удивительно, что в академическом сообществе сейчас звучат предложения не только о ревизии классических подходов к идеологии, но даже и о полном отказе от использования самого этого термина при изучении политических процессов. У многих ученых попросту отсутствует уверенность, что происходящие в современном мире мировоззренческие диспуты корректно называть именно противостоянием идеологий. Можно согласиться с Г. И. Мусихиным: «Идеология является одним из самых распространенных терминов в мире политического и одновременно одним из самых оспариваемых понятий в пространстве политической теории... наблюдается парадоксальное явление: в то время как теоретики не скрывают своих затруднений в концептуализации идеологии, политики продолжают уверенно пользоваться этим термином в повседневной жизни» (Мусихин, 2013: 9).

В данной статье мы намерены сделать шаг в разрешении сложившегося противоречия между актуальностью научного анализа идейной, ценностной проблематики в современном мире и отсутствием у социально-гуманитарной науки ясных представлений о допустимости рассмотрения соответствующих вопросов сквозь призму концепта идеологии. Заведомо не претендуя на окончательное разрешение этой запутанной теоретико-методологической проблемы, мы тем не менее намерены оценить перспективы использования концепта «идеология» для анализа актуальных политических процессов общества позднего модерна. Для этого мы намерены выделить основные сложности, затрудняющие рассуждения об идеологиях в политическом процессе общества позднего модерна, оценить их справедливость и обоснованность и предложить свое видение перспектив описания актуальных политических процессов с помощью теорий идеологии. Кроме того, в рамках данной статьи мы планируем представить результаты собственного эмпирического исследования, на базе которого выдвинутые гипотезы будут подвергнуты эмпирической локализации и проверке.

Подходы к пониманию роли идеологии в обществе позднего модерна

Прежде чем перейти непосредственно к анализу эвристического потенциала концепта «идеология» в описании политических процессов общества позднего модерна¹, разумно уточнить основное содержание этого термина. Необходимость такого уточнения, сама по себе очевидная в контексте поднятой в работе проблематики, приобретает дополнительную актуальность в связи с обилием и разнообразием подходов, сложившихся в социально-гуманитарной науке в отношении термина «идеология». С одной стороны, как справедливо подмечает Я. А. Пляйс, сколь бы разнообразны ни были сложившиеся в социально-гуманитарной науке дефиниции идеологии, все они в любом случае сходятся в том, что речь идет о некоей системе фундаментальных взглядов на развитие общества (Пляйс, 2010: 70). С другой стороны, мы считаем обоснованной и часто цитируемую позицию К. Лефорта: допустимо выделять как минимум три сложившихся направления концептуализации идеологии, каждое из которых раскрывает сущность подобной системы взглядов по-своему. Странники первого направления понимают под термином «идеология» некий всеобъемлющий проект глобальных общественных трансформаций. Для приверженцев второго направления идеология представляет собой особую систему ценностных суждений, оправдывающих господствующее положение в обществе того или иного класса. Наконец, авторы, работающие в русле третьего направления, относят к проявлениям идеологии едва ли не любые вербализованные феномены человеческой мысли (Lefort, 1991: 45–46).

Концептуально каждое из этих направлений имеет как сильные, так и слабые стороны. Придерживаясь первого подхода, мы получаем четкий и конкретный объект для анализа (проекты глобальных общественных трансформаций легко идентифицируются по трудам тех авторов, которые их разработали), но при этом из поля внимания, по меткому замечанию Э. Гидденса, выпадает целый пласт продуктов человеческой мысли, которые содержательно созвучны этим проектам и вдохновлены ими (Giddens, 1991b: 23). Во втором случае мы сталкиваемся с еще одной вариацией узкого подхода: в фокусе внимания тоже оказывается конкретный и эмпирически уловимый объект (проекты легитимации господства), но за рамками внимания остается целый ряд феноменов, которые также могут быть релевантными для исходного термина. Достоинства и уязвимости третьего подхода, в свою очередь, типичны для любых широких трактовок: мы уходим от рисков исключения из понятия идеологии каких-то релевантных феноменов, но одновременно, по справедливому замечанию того же Лефорта (Lefort, 1991: 46), возникает

1. В своих рассуждениях мы намеренно пользуемся именно термином «общество позднего модерна». Дискуссии о соотношении понятий модерна, позднего модерна, «другого модерна» (в терминологии У. Бека) и постмодерна крайне запутанны и сложны, а потому их адекватное рассмотрение явно заслуживает большего внимания, чем позволяет размер данной статьи. Поэтому в данном контексте ограничимся лишь использованием рабочего термина «общество позднего модерна», под которым мы вслед за Э. Гидденсом (Giddens, 1991a) будем понимать особую форму бытия общества модерна, возникающую под влиянием глобализации и ускорения социальных процессов.

проблема принципиальной неопределенности границ термина, с позиций которого идеологией потенциально можно назвать вообще что угодно.

В задачи нашей статьи не входит ни детальная реконструкция исходной аргументации каждого из этих подходов к концептуализации идеологии, ни поиск окончательной истины в наметившемся теоретико-методологическом диспуте между их сторонниками. Наш интерес в данном случае обладает сугубо прагматическим характером и направлен лишь на поиск того базового понимания идеологии, которое поможет наиболее корректно и точно рассуждать о сути этого явления в дальнейшем тексте работы. Как раз в контексте такого исследовательского интереса упоминание приведенных выше расхождений в позициях разных ученых и имеет принципиальное значение. Даже подобного беглого знакомства с основными научными трактовками достаточно, чтобы убедиться в существовании как опасности понимать идеологию слишком в узком смысле и сводить ее только к программным манифестам конкретных мыслителей, так и риска использовать неоправданно расширительные трактовки, которые позволяют подвести под понятие идеологии практически любой феномен коллективного или индивидуального мышления людей. Учитывая существование таких опасностей, мы полагаем, что точная трактовка термина «идеология» должна одновременно исходить как из того, что это явление принципиально не сводимо только к конкретным (так называемым «авторским») проектам переустройства общества, так и из того, что оно принципиально не способно включать в себя вообще все феномены человеческого мышления.

Именно поэтому мы в своих рассуждениях будем отталкиваться от понимания, которое занимает своеобразную промежуточную позицию между перечисленными выше подходами, и обозначим в качестве рабочего толкования идеологии версию М. Селиджера. По его мнению, понятие «идеология» применимо ко всем системам убеждений, независимо от того, будут ли эти системы руководить действиями, направленными на изменение, сохранение или разрушение политической реальности. «В качестве того, что управляет и влияет на политическое действие, идеология должна определяться лишь в отношении к системам политических убеждений безотносительно к тому, будут ли они революционными, реформистскими или консервативными при взгляде со стороны» (Seliger, 1976: 91–92). Таким образом, идеологии — это ориентированные на действие совокупности убеждений, организованные в качестве систем. Привлекательность подхода Селиджера для нас заключается как в аналитическом удобстве, базирующемся на комбинации эвристичности и лаконичности, так и в его довольно широкой распространенности (которая важна в контексте сопоставления наших выводов с рассуждениями других ученых).

Важно, на наш взгляд, и то обстоятельство, что Селиджер предлагает не только простой, но и гибкий подход к пониманию идеологии. Во-первых, несмотря на то что в его формулировках отсутствует прямое отождествление идеологий с некими «авторскими» проектами переустройства общества, сохраняется возмож-

ность применять его подход к анализу таких проектов, поскольку все они могут быть истолкованы как «ориентированные на действие совокупности убеждений, организованные в качестве систем». Во-вторых, хотя Селиджер и отказывается от принципиально узкого понимания идеологии, он все же и не относит к идеологиям вообще любые продукты человеческого мышления, поскольку задает четкие критерии их определения: системная организованность и ориентация на действия. Таким образом, подобная трактовка идеологии оказывается принципиально применимой к большинству феноменов, которые в социально-гуманитарной науке описываются как идеологии.

Итак, исходный вопрос о том, допустимо ли рассуждать о конкуренции различных идеологий в обществе позднего модерна, сводится к вопросу о том, сохраняются ли на современной стадии развития общества модерна ориентированные на действия совокупности убеждений, организованные в качестве систем. Если перейти на еще более конкретный уровень, то перед нами встает необходимость уточнения двух принципиальных позиций: во-первых, сохраняются ли вообще такие системы в обществе позднего модерна, а во-вторых — если они все же не исчезают, то сопоставимо ли их текущее состояние с прежним?

Один из возможных ответов довольно радикален и сводится к идее о заведомой бессмысленности описания политических процессов общества позднего модерна с помощью понятия «идеология». Нельзя сказать, что эта позиция получила широкое распространение в социально-гуманитарном научном сообществе, но сторонники у неё, безусловно, есть: в частности, соответствующие размышления мы находим в трудах Ф. Конверса (Converse, 2006) и Н. Аберкромби, С. Хилла и Б. Тернера (Abercrombie, Hill, Turner, 1980). Подобная позиция не беспочвенна и базируется на нескольких ясных аргументах. Во-первых, история человечества в XX веке сразу на нескольких ярких примерах показала: последствия от претензий на абсолютность со стороны какой-то одной идеологии вполне могут быть этически спорными или даже деструктивными для социума². Во-вторых, в настоящий момент повышается количество и пестрота информационных потоков, запутывающих и усложняющих сам процесс политической коммуникации, в котором происходит формирование идеологий. В-третьих, сказывается снижение остроты классовой конкуренции: идеология традиционно рассматривалась философами и политологами как инструмент, с помощью которого одни классы претендуют на господство над другими. В-четвертых, уменьшение в политическом процессе роли традиционного субъекта трансляции идеологий — политических партий: едва ли не повсеместной тенденцией современного мира стали как снижающееся доверие

2. Разумеется, негативные эффекты в жизни общества вызвали не любые идеологии, а лишь доведение до крайности нескольких идеологических проектов — в первую очередь, естественно, нацизма, фашизма, коммунизма. Тем не менее сам факт того, что такие последствия потенциально возможны, как мы полагаем, мог привести к скептическому и осторожному отношению западных ученых к любым идеологиям. Антииндивидуализм и насилие, которые, по меткому замечанию Х. Йоаса (Joas, 2008: 172), были вполне нормальными реалиями тех обществ, где воплощались подобные идеологии, являются достаточно сильными угрозами для современного индивида.

людей к партиям, так и повышение доли граждан, полагающих, что партии — это лишь второстепенный (или и вовсе маргинальный) участник политического процесса.

Возможен и более осторожный ответ на вопрос о статусе идеологий в обществе позднего модерна, который сводится к тому, что этот феномен не исчезает в принципе, а всего лишь видоизменяется. Яркий пример концепций такого типа — подход Д. Шварцмантеля, который констатирует кризисное состояние идеологий в современном ему обществе (и даже использует термин «постидеологическое общество»), но полагает, что идеология как феномен из жизни социума не пропадает. В своих рассуждениях Шварцмантель предлагает разделять все идеологии на два типа: классические и новые. Классические, по его логике, масштабны по своим задачам, связаны с государством, предполагают действие в рамках крупных институтов, выражены в программах политических партий, базируются на экономически вычисляемом сегменте социальной структуры (классах). Тогда как идеологии нового типа «молекулярны», партикулярны, внесистемны, организованы по принципу сетей и локальны как по типу поддержки (идентичности), так и по провозглашаемому требованиям (Шварцмантель, 2009). Позиция Шварцмантеля заключается в том, что мы являемся свидетелями не исчезновения идеологии как феномена, а всего лишь постепенного снижения влияния классических идеологий, сопровождающегося усилением идеологий нового типа. Таким образом, концепт идеологии вполне адекватен для описания политического процесса общества позднего модерна.

Учитывая имеющийся спор между сторонниками идеи об отмирании идеологии и теми, кто настаивает на их трансформации, обозначим свою позицию. С одной стороны, мы признаем логичность тех доводов, которые приводят сторонники версии об исчезновении идеологии как атрибута человеческого общества в стадии позднего модерна. С другой — в их аргументации не прослеживаются убедительных доказательств того, что общество позднего модерна действительно столкнулось именно с отмиранием идеологии (по крайней мере, в том понимании Селиджера, которое мы взяли за основу рассуждений). Более точное истолкование приводимой ими аргументации, на наш взгляд, сводится скорее не к отмиранию идеологий, а к констатации исчезновения их насущной необходимости в том виде, в каком такая необходимость понималась на протяжении XIX–XX веков. Тем не менее само по себе это не является неопровержимым свидетельством исчезновения идеологий как феномена. Дискредитация фундаментальных идеологий в сознании многих людей действительно произошла, но это может означать лишь формирование осторожного отношения социума к идеологическим проектам. Острота классовой борьбы в обществе способна снижаться, но это может приводить не только к концу идеологических проектов, но и всего лишь к коррекции их содержания. Диверсификация информационных потоков стала вполне очевидным явлением, но и она сама по себе не означает краха идеологий, а может свидетельствовать лишь об изменении каналов их дистрибуции. Наконец, роль по-

литических партий в мире способна падать, но это, опять же, может приводить не только к отмиранию идеологий, лишаящихся своего традиционного выразителя, но и к появлению нового субъекта их трансляции. Однозначных оснований для утверждения, что идеологии именно исчезли, а не превратились в «свое иное», не прослеживается.

Именно поэтому мы полагаем, что позиция того же Шварцмантеля имеет несколько больший объяснительный потенциал для понимания вопроса об идеологиях в обществе позднего модерна, чем гипотеза об их отмирании. Строго говоря, сторонники такого подхода отталкиваются от тех же самых исходных позиций, просто сделанные ими выводы более осторожны. Соответственно, как мы полагаем, идеологии как организованные в системы совокупности ориентированных на действия убеждений в современном состоянии общества модерна все же не исчезают. По крайней мере, у нас нет убедительных доказательств этого исчезновения. Таким образом, мы утверждаем, что рассуждать о существовании идеологий в обществе позднего модерна принципиально возможно, а тезис об отмирании этого феномена преждевременен.

Вместе с тем сохраняется важный вопрос о характере тех трансформаций, которые, как мы полагаем, потенциально могут происходить с феноменом идеологий в обществе позднего модерна. Выше мы уже констатировали, что основные аргументы, из-за которых изначально возникли дискуссии ученых в отношении проблемы идеологии, сводились к четырем тенденциям: формированию негативного имиджа у многих фундаментальных идеологических проектов, виртуализации и децентрализации политических процессов, снижению напряженности классовой конкуренции на фоне иных социальных антагонизмов, а также к снижению роли политических партий в политическом процессе. На наш взгляд, логично предположить, что все вместе и каждая отдельно эти тенденции способны существенно видоизменять как содержание идеологий, так и характер той роли, которую они играют в обществе позднего модерна. Мы считаем, что совокупность перечисленных «факторов влияния» вполне могла привести к появлению у идеологий неких своеобразных черт, которые были несвойственны им прежде.

Первой из таких черт, как мы полагаем, могло стать дробление и диверсификация того коммуникативного пространства, в котором в обществе позднего модерна происходит оформление идеологических проектов. Непосредственными причинами этого являются и ослабление в политическом процессе роли партий, и общее усложнение коммуникативного пространства политики. Активное распространение интернета и социальных сетей привело к тому, что у каждого пользователя появилась гипотетическая возможность в любой момент времени актуализировать в виртуальном пространстве важные для него политические вопросы, найти сторонников едва ли не из любой точки планеты и даже организовать вместе с ними какие-то скоординированные действия. Разумеется, едва ли стоит вести речь о тотальном превращении интернета в площадку зарождения и развития идеологических проектов, над которыми работают все без исключения пользова-

тели. Очевидно, что далеко не у каждого из них есть соответствующие желания и необходимые коммуникативные компетенции. Тем не менее обширный набор опций в социальных сетях дал возможность для выражения позиции тем людям, которые хотели бы донести свои взгляды до окружающих, но ранее были лишены доступа в публичное пространство. Учитывая снизившуюся роль партий в политическом процессе, подобные активисты могут оказаться именно теми субъектами, которые в нынешних условиях транслируют новые идеологические проекты.

Второй характерной чертой, которая могла появиться у идеологий под влиянием перечисленных выше факторов, на наш взгляд, является их концептуальная размытость или даже гибридность. Собственно говоря, Шварцмантель предрекал идеологиям в обществе позднего модерна именно взаимный синтез, аргументируя это слабостью и «легковесностью» новых идеологий, из-за которых, по его мнению, большинство из них в принципе не способны отдельно друг от друга претендовать на сколько-нибудь значимую и постоянную роль в политическом процессе (Шварцмантель, 2009: 283). Дополним аргументы Шварцмантеля тем фактом, что общество позднего модерна порождает целый спектр запросов к содержанию идеологий, который достаточно сложно свести к какому-то узкому перечню позиций. Особенности политического и экономического развития многих стран мира на протяжении XX века привели к плюрализму стилей жизни в этих государствах: появилось большое количество самых разных социальных групп, которые придерживаются своих систем ценностей и предъявляют свои, во многом уникальные, запросы к публично формируемой повестке развития. Удовлетворить запросы одновременно всех или хотя бы большинства таких социальных групп настолько сложно, что глобальные всеобъемлющие проекты развития общества могут в таких условиях оказаться не только невостребованными, но и принципиально невозможными.

Еще одной характерной чертой идеологий, которая появляется в обществе позднего модерна, может оказаться узкая, адресная локализация их риторики. Классическая эпоха анализа идеологий XIX–XX веков была связана с описанием их в качестве масштабных всеобъемлющих манифестов переустройства общества или легитимации господства одного класса над другим. На современном этапе такие всеобъемлющие манифесты относительно редки. Отчасти это связано с дискредитацией имиджа подобных идеологий, возникшей после попыток воплощения в жизнь националистических и коммунистических проектов, отчасти же здесь сказывается «регионализация» интересов, вокруг которых формируются ответственные группы. Учитывая обилие разных социальных групп и разнообразие выражаемых ими интересов, становится довольно сложно формулировать какие-то целостные идеологические манифесты «для всех и на всей территории». Соответственно, общество позднего модерна с большей вероятностью способствует формированию идеологий, риторика которых сосредоточена вокруг решения преимущественно отдельных, локализованных в пространстве и времени вопросов, а не на претензиях на всеобъемлющее переустройство социума.

Кратко обобщая основные результаты теоретико-методологического анализа, отметим основные итоговые положения. Во-первых, несмотря на запутанность и многогранность теоретических дискуссий в отношении феномена идеологий, их вполне допустимо определить в качестве ориентированных на действия систем убеждений. Во-вторых, реалии общества позднего модерна не привели к исчезновению таких систем, а скорее вызвали ряд трансформаций их содержания и роли в политическом процессе. В-третьих, этими трансформациями могли оказаться диверсификация пространства формирования идеологий, их концептуальная гибридность и локальность вопросов, которые становятся основой их ключевой риторики. Впрочем, сами по себе эти предположения — пока лишь логические допущения, вытекающие из определённой концептуальной схемы, а потому требующие полноценной эмпирической проверки. Ниже мы остановимся на результатах эмпирического исследования, которое было проведено нами с целью выполнения такой проверки.

Методология исследования

Исследование, которое легло в основу проверки высказанных выше гипотез, было проведено нами на базе Уральского федерального университета во второй половине 2017 года. Мы сфокусировались на вопросах о том, как происходит конкуренция между различными идеологическими проектами в контексте эмпирически конкретного политического процесса общества позднего модерна. Эмпирическим кейсом стали выборы в Государственную Думу РФ 18 сентября 2016 года и события, сопутствовавшие их проведению. Указанное поле было выбрано для анализа в силу предполагаемой высокой иллюстративности. Как отмечал в свое время российский социолог Л. Г. Бызов, стабильно высокая явка на выборы президента и депутатов Государственной Думы, как и общее эмоциональное отношение к ним граждан, свидетельствуют о том, что среднестатистический россиянин воспринимает их как заведомо судьбоносные для своего государства (Бызов, 2007: 16). Это создает благоприятную почву для повышения интереса к векторам развития страны и связанным с ними мировоззренческим дилеммам. В таком контексте характер проявлений идеологии можно проследить нагляднее: в социальной реальности актуализируются те процессы, которые в иное время могут обладать латентным статусом.

Инструментарий эмпирического исследования опирался на контент-анализ двух классов документов, по-разному отражавших состояние дискуссий о путях развития общества накануне выборов 2016 года.

- Предвыборные программы политических партий, подготовленные ими накануне выборов в Государственную Думу 18 сентября 2016 года. Стремясь к пониманию лишь наиболее устойчивых тенденций, мы концентрировали внимание на программах партий, которые участвовали в выборах не впервые и претендовали на места в Государственной Думе в 2011 году: «Справедли-

вая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», «Единая Россия», «Патриоты России» и «Партия Роста» (стала преемником партии «Правое дело», которая участвовала в выборах в 2011 г.).

- Тексты, появившиеся в политических сообществах российских социальных сетей накануне выборов (с 4 по 18 сентября 2016 года). С помощью собственного инструментария социальных сетей Facebook, ВКонтакте, Живой журнал в каждой из них были отобраны по 1000 сообществ с наибольшим на момент полевых работ количеством подписчиков. Затем по названиям сообществ были отобраны наиболее тематически релевантные группы, в которых прямо или косвенно затрагиваются политические вопросы жизни российского общества. Из полученного списка были исключены такие сообщества, в которых не содержалось текстовых сообщений в изучаемый период, и те, в которых были отключены комментарии пользователей. В итоге в фокусе внимания оказалось 8 сообществ сети Facebook, 11 — сети ВКонтакте и 10 — сети Живой журнал. Полные тексты сообщений и комментариев, опубликованных в них в период, предшествующий выборам, были подвергнуты анализу наравне с программами партий.

Процедура работы с обоими классами эмпирических объектов опиралась на технику контент-анализа и предполагала поиск в изучаемых текстах определенных слов-индикаторов, по наличию или отсутствию которых можно было судить о степени выраженности в них риторики, характерной для той или иной идеологии. Концептуальной базой этой работы послужила трехчленная классификация идеологий, которую предлагал в своих трудах И. Валлерстайн. Согласно его концепции, в истории человечества наиболее явно заявили о себе три всеобъемлющих идеологических течения: консерватизм, либерализм и социализм (Валлерстайн, 2003: 75). Отталкиваясь от этой трехчленной классификации и от идей, которые приписывал упомянутым идеологиям Валлерстайн, мы составили перечень характерных ценностей, которые могут отражать представления каждой из них о наиболее желательном развитии общества. Мы исходили из того, что для *консерватизма* могут быть характерны ценности «патриотизм», «нравственность», «стабильность», «семья», «порядок»; для *либерализма* — «свобода убеждений», «свобода действий», «демократия», «личность», «собственность», «рынок», «закон», «права человека», «мир», «изменения»; для *социализма* — «сильное государство», «социальные гарантии», «равенство», «солидарность», «труд», «здоровье», «борьба». При помощи толковых словарей и словарей синонимов русского языка мы подобрали по 10 конкретных слов-индикаторов, с помощью которых каждая из этих ценностей могла бы выражаться непосредственно в конкретной политической риторике. В результате мы подготовили кодификатор контент-анализа из 23 ценностей и 230 слов-индикаторов.

Таким образом, главной единицей подсчета в ходе контент-анализа оказались 230 слов-индикаторов, каждое из которых олицетворяло одну из ценностей, присущих консерватизму, либерализму или социализму. Подсчитав частоту упоми-

нения слов-индикаторов, мы получили возможность судить об интенсивности акцента того или иного текста на ценностях, которые эти слова-индикаторы выражали. Понимание интенсивности акцента на тех или иных ценностях, в свою очередь, помогало делать выводы об общей выраженности в тексте идеологически окрашенной риторики, присущей консерватизму, либерализму или социализму. Далее мы намеревались осуществить сопоставление ценностно-идеологических феноменов, проявившихся в программах российских политических партий и текстовых сообщениях сообществ социальных сетей и выявить на основе этого роль и место различных идеологий в контексте выборов 2016 года.

Результаты исследования: идеологическая полемика в постсоветской России

Уже первичное знакомство с полученными данными показывает, что предполагаемая диверсификация пространства формирования идеологий, по всей видимости, действительно существует. По крайней мере, в том исследовательском кейсе, на основе которого мы делали свои выводы, она прослеживается довольно отчетливо. В первую очередь она проявляется в разном режиме конструирования и вербализации тех систем убеждений, которые являются основой идеологий. Совокупно слова-индикаторы наиболее частых по упоминанию ценностей встречаются в проанализированных текстах из социальных сетей по несколько тысяч раз: «демократия» — 8935 раз, а «закон» — 7775 раз. В то же время в программах партий картина иная: слова-индикаторы самой популярной ценности («социальные гарантии») там упоминаются только 1280 раз. Это же видно и по сводным показателям: суммарно все слова-индикаторы всех изучаемых ценностей были упомянуты в текстах из социальных сетей 58 359 раз, тогда как в программах партий они встречались только 12 009 раз. Разумеется, на возникновение этого разрыва влияют и техническая возможность простого дублирования одного и того же текста в разных сообществах социальных сетей, и тип преподнесения информации: если программа политической партии пишется и распространяется единожды, то коммуникация в социальных сетях продолжается непрерывно. Тем не менее в данном случае принципиально само существование этого разрыва, вне зависимости от его причин. Само по себе оно демонстрирует расхождение как минимум в интенсивности обращения к идеологически окрашенной риторике при подготовке предвыборной программы партии и при коммуникации в социальных сетях.

Однако дифференциация между программами партий и текстами из социальных сетей обнаружилась не только в интенсивности интереса к идеологиям, но и в самой риторике, через которую выражается такой интерес (см. табл. 1).

Таблица 1. Интенсивность упоминания слов-индикаторов различных ценностей в программах партий и текстах социальных сетей

Ценности	Доля от общего числа обнаруженных слов-индикаторов (%)	
	В программах партий	В текстах из социальных сетей
Борьба	2,7	5,1
Демократия	5,8	15,1
Закон	10,2	13,2
Здоровье	3,1	1,0
Изменения	7,0	4,1
Личность	8,9	8,1
Мир	1,3	0,7
Нравственность	5,9	3,6
Патриотизм	4,2	6,3
Порядок	3,4	2,4
Права человека	2,8	2,7
Равенство	5,1	4,7
Рынок	2,3	0,5
Свобода действий	1,2	4,7
Свобода убеждений	0,4	1,0
Семья	2,4	1,7
Сильное государство	8,8	6,2
Собственность	2,0	1,5
Солидарность	3,2	5,7
Социальные гарантии	10,7	7,1
Стабильность	3,0	2,1
Труд	5,4	2,6
Итого	100,0	100,0

Как показал анализ, составители программ политических партий наиболее интенсивно употребляли в своих текстах слова-индикаторы, характерные ценностям «социальные гарантии», «закон», «личность», «сильное государство», «изменения», но при этом крайне мало обращались к словам-индикаторам ценностей «рынок», «мир», «свобода убеждений», «порядок», «собственность», «здоровье», «свобода действий». В то же время пользователи социальных сетей в своих рассуждениях чаще всего оперировали словами-индикаторами, которые присущи ценностям «демократия», «закон», «личность», «социальные гарантии», «патриотизм», но почти обходили стороной риторику, характерную ценностям «рынок», «мир», «здоровье», «свобода убеждений», «собственность» и «семья». Несмотря

на определённые сходства в перечнях наиболее и наименее актуальных ценностей программ партий и текстов из социальных сетей, видно, что ключевая риторика в них всё же различна. Например, ценности «социальные гарантии» и «сильное государство», которые играют одну из ключевых ролей в рассуждениях составителей программ политических партий, не особенно интенсивно актуализируются в коммуникации пользователей социальных сетей. Тогда как ценность «демократия», наоборот, оказывается крайне значимой для пользователей социальных сетей, но в программах партий она отходит на второй план.

Расхождение в риторике имеет своим следствием и некоторые различия в идеологических картинах, которые ею задаются (см. рис. 1, 2).

Рисунок 1. Идеологии, актуализированные в сообществах социальных сетей (в % от общего числа слов-индикаторов)

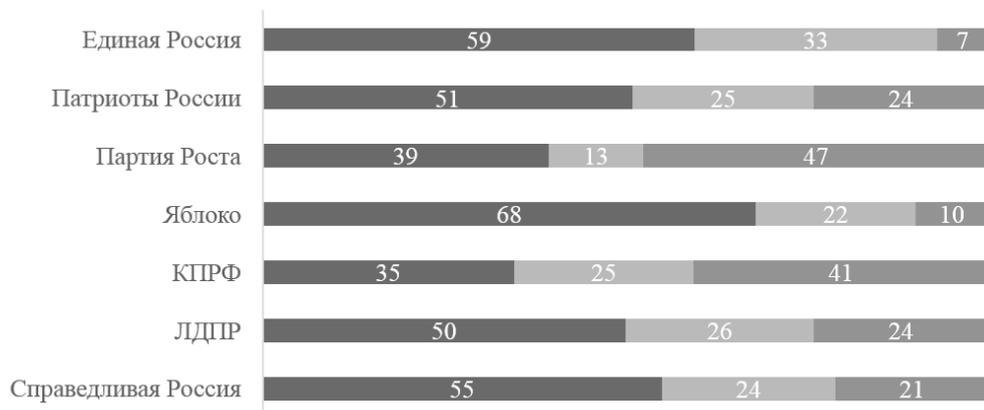

Рисунок 2. Идеологии, актуализированные в программах партий (в % от общего числа слов-индикаторов)

Видно, что в целом в сообществах социальных сетей слова-маркеры, характерные для либеральной идеологии, получили несколько большее распространение, чем в программах политических партий, причем эта тенденция практически одинаково прослеживается во всех социальных сетях: и в Facebook, и в ВКонтакте, и в Живом журнале (см. рис. 1). Столь устойчивый уклон в сторону либеральной идеологии в программах партий проследить не удастся (см. рис. 2). В программах некоторых («Яблоко», «Единая Россия», «Справедливая Россия») слова-маркеры

ценностей либеральной идеологии также упоминаются чаще прочих. Но есть и такие партии, которые обращаются к либеральной риторике гораздо реже, — например, КПРФ, в предвыборной программе которой слова-индикаторы ценностей либерализма встречаются реже, чем апелляции к социализму. Иными словами, в идеологическом смысле тексты, которые были извлечены из сообществ социальных сетей, и предвыборные программы партий представляют собой относительно разные продукты. Ценностно-идеологическое пространство, обозначенное текстами, извлеченными из разных социальных сетей, в основном гомогенно: во всех случаях слова-маркеры ценностей либерализма используются чаще прочих. Тогда как ценностно-идеологическое пространство, обозначенное программами партий, дифференцировано: есть партии, которые тяготеют к либеральным ценностям, но одновременно есть и партии, которые больше предрасположены к другим идеологиям. Подчеркнем: в любом случае и программы партий, и тексты из социальных сетей не придерживаются какой-то одной идеологии и скорее апеллируют к идеологическим гибридам. Но сущность и природа этих гибридов различны.

Предполагавшаяся идеологическая гибридность также оказалась характерной чертой тех текстов, которые подверглись анализу в ходе исследования. Все изученные тексты построены на сочетании различных элементов консерватизма, либерализма и социализма. В каждом конкретном случае такое сочетание могло оказываться особым. Зачастую выяснялось, что риторика какой-то одной идеологии востребована в конкретном тексте сильнее остальных, но в то же время ситуаций, когда одна идеология полностью вытесняет другие, обнаружить не удалось. Пожалуй, наиболее ярко такая гибридность проявилась в двух конкретных тенденциях. Прежде всего заметна девальвация символического капитала титульного наименования политических партий: так, в программе формально социалистической по своему названию партии КПРФ собственно социалистическая риторика преобладает, но отнюдь не доминирует над либеральной и консервативной и сочетается с ними примерно в равных пропорциях. А в программе партии «Справедливая Россия», также своим названием увязывающей себя с классической для социализма темой социальной справедливости, наибольшую актуализацию получает либеральная риторика. Гибридность заметна еще и в том, что проанализированные тексты из социальных сетей тяготеют в сторону либеральной риторики, но не сводятся к ней целиком. Выраженность либеральной риторики в текстах социальных сетей сопоставима с суммарным числом упоминаний слов-индикаторов, характерных ценностям консерватизма и социализма.

Впрочем, подобная гибридность в рамках политического процесса постсоветской России скорее закономерна, нежели случайна. Дело, на наш взгляд, заключается в нескольких моментах. С одной стороны, существует *path dependence* интеллектуалов — исторически воспроизводимая схема реакции на кризисные события и идеологический вакуум в стране, предполагающая призывы к построению неких общих, единых идеологических проектов. Кризисные события первой четверти XX века привели к возникновению, в частности, евразийства или попы-

ток соединить национализм и большевизм. Интеллектуалы постперестроечной России призывали к выработке «интегративной идеологии» (Косолапов, 1994) или редуцированию имеющихся различий региональных идеологических проектов к уровню «тотальной» идеологии (Барботько, Войтов, Мирский, 2000). Специфика этой схемы реакции предполагает, что системная неопределенность, возникающая в обществе, создает заведомо благодатную почву для призывов объединить под одним «флагом» достаточно разнородные ценности и идеологемы. Возможно — и это могло бы быть предметом дополнительных исследований — «соединение» разного и есть основной наш «идеологический паттерн». Но, в отличие от попыток соединять масштабные идеологии для проектирования будущего сегодняшние идеологические гибриды полностью подчинены оперативной задаче (в терминологии Селиджера) — получить голоса, а потому набор ценностей выстраивается в современных идеологических проектах «по настроению избирателя» и скорее «отражает» настоящее. Используя классическое разделение уровней коллективных представлений, мы могли бы указать и вторую причину «гибридности» идеологий: готовность к ней на уровне сложившихся массовых настроений. На протяжении практически всей постсоветской истории опросы, проводимые социологами, показывают, что большинству российских граждан характерна идеологическая амбивалентность: исследования Г. Г. Дилигенского (Дилигенский, 2000: 12) в 1990-е годы, а также замеры, сделанные ВЦИОМ уже в 2000-е годы (Бызов, 2013: 38), демонстрируют, что примерно 75–80% постсоветских россиян вообще не имеют сколько-нибудь четких идеологических предпочтений. Добавим, что в 2015 году исследование Института социологии РАН подтвердило устойчивость заведомо аполитических настроений: оно показало, что более или менее регулярный интерес к политике характерен лишь для 30% населения страны (Петухов, 2015: 151). Иначе говоря, вне зависимости от причин появления упомянутой идеологической амбивалентности, сама по себе она прослеживается отчетливо и подтверждается надежными данными. Соответственно, предсказуемо, что в политическом процессе современной России не происходит последовательной апелляции к риторике какой-то одной идеологии: большинству россиян попросту чужды такие рассуждения.

Отчетливо видна и третья предполагавшаяся нами тенденция, а именно — локальность вопросов, вокруг которых выстраивается идеологически окрашенная риторика. Для адекватной оценки этого параметра необходимо сопоставить сравнительную выраженность отдельных ценностей каждой из представленных идеологий в программах партий и текстах, которые создавали пользователи социальных сетей (см. табл. 2). Такой анализ показывает своеобразное дробление ценностного ядра каждой из рассматриваемых идеологий на востребованные и невостребованные позиции. Например, среди ценностей либеральной идеологии оказываются крайне невостребованными «рынок», «собственность», «свобода убеждений», но при этом одними из наиболее упоминаемых становятся «демократия», «закон», «личность». Среди консервативных ценностей наименее вос-

требованы «стабильность» и «семья», но в то же время замечен большой интерес к другим ценностям — «нравственности» и «патриотизму». Из социалистических ценностей наименее востребованными оказываются «труд» и «здоровье», тогда как слова-индикаторы ценности «социальные гарантии», наоборот, становятся одними из самых упоминаемых. Иными словами, заметно отсутствие последовательности в актуализации либеральных, социалистических и консервативных риторик в контексте современной России: какие-то из характерных им ценностей актуализируются, другие — оказываются фактически в забвении.

Таблица 2. Интенсивность актуализации ценностей, присущих различным идеологиям, в программах партий и текстах социальных сетей

Ценности	Доля от общего числа обнаруженных слов-индикаторов (%)	
	В программах партий	В текстах из социальных сетей
Ценности консерватизма		
Нравственность	5,9	3,6
Патриотизм	4,2	6,3
Порядок	3,4	2,4
Семья	2,4	1,7
Стабильность	3,0	2,1
Ценности либерализма		
Демократия	5,8	15,1
Закон	10,2	13,2
Изменения	7,0	4,1
Личность	8,9	8,1
Мир	1,3	0,7
Права человека	2,8	2,7
Рынок	2,3	0,5
Свобода действий	1,2	4,7
Свобода убеждений	0,4	1,0
Собственность	2,0	1,5
Ценности социализма		
Борьба	2,7	5,1
Здоровье	3,1	1,0
Равенство	5,1	4,7
Сильное государство	8,8	6,2
Солидарность	3,2	5,7
Социальные гарантии	10,7	7,1
Труд	5,4	2,6
Итого	100,0	100,0

Столь избирательная актуализация либеральных ценностей и в социальных сетях, и в программах партий по-своему закономерна. С одной стороны, номинально постсоветская Россия была и продолжает быть демократическим государством, которое во всех документах и официальных заявлениях своих руководителей позиционируется в качестве страны, построенной на либеральных политических и экономических подходах и открытой для тесной кооперации с теми иностранными партнерами, которые придерживаются схожих взглядов. С другой стороны, резкие и слишком быстрые либеральные реформы, с помощью которых страна в 1990-е годы переходила к внедрению рыночной экономики и демократического политического устройства, привели к дискредитации в глазах многих россиян целого ряда идей, составляющих фундаментальную основу либеральной идеологии. Исследования Института социологии РАН показывают, например, что идея свободного неограниченного рынка большинству россиян чужда до сих пор (Бызов, 2017: 239). Закономерно, что в этой ситуации происходит своеобразная ревизия либеральной идеологии: учитывая сам характер политического режима, партии и лидеры общественного мнения не могут отказаться от либеральных идей совсем, но при этом они уходят от обсуждения тех вопросов, которые болезненны для населения.

Аналогично можно объяснить и дисбаланс в актуализации ценностей, характерных консервативной идеологии. Уязвленное чувство национальной гордости, возникшее в российском массовом сознании после распада СССР, явно обострило в стране запрос на радикальную патриотическую риторику. Более того, можно согласиться с С. В. Чугровым: со временем в российском обществе сложился относительный консенсус, построенный на патриотизме и антизападных настроениях (Чугров, 2016: 188). Не менее болезненным для российского социума является и вопрос о нравственности: возможно, в силу совпавших по времени процессов деградации многих характерных для советской системы нравственных нормативов и возвращения в жизнь общества религиозных и псевдорелигиозных учений, которые официальной советской моралью осуждались. Актуальные исследования подтверждают, что вопрос морали остается для россиян болезненным (Кузнецов, 2017). Одновременно с этим внимание к проблематике порядка, присущее российскому общественному мнению на рубеже 1990–2000-х годов, уже к 2010 году стало ощутимо слабее (Дубин, 2007). Сложившийся баланс настроений создал почву для ревизии консервативной идеологии: вопросы, вызывающие интерес у россиян, акцентировались отчетливо, тогда как тематики, не имеющие принципиального значения, отошли на второй план. Именно поэтому актуализация ценности патриотизма сопровождается относительно редкими апелляциями к тематике порядка.

Наконец, похожим образом объясняется и непоследовательное обращение как партий, так и пользователей социальных сетей к риторике, характерной для социалистической идеологии. В 1990-е годы на волне демократических реформ российское общество решительно отвергло едва ли не все атрибуты советской действительности, отказавшись и от характерной идеологии, и от устоявшихся жизненных

практик. Тем не менее во многом в силу неоднозначных рыночных реформ 1990-х годов, многие жители постсоветской России начали проявлять ностальгические чувства по отношению к той самой советской действительности, которую прежде так принципиально осуждали. Актуальные исследования показывают выраженную ностальгию российского общества по советским временам. Более половины россиян видят в советском периоде положительные моменты и сожалеют о распаде СССР (Бызов, 2017: 258). Эта ностальгия создала благодатную почву для ревизии социалистической идеологии, некоторые ценности которой получают поддержку, тогда как другие продолжают отвергаться.

Обобщая эти разрозненные эмпирические данные, мы можем отметить, что по итогам исследования состояние идеологического диспута в постсоветском российском социуме предстает довольно своеобразным. Можно констатировать, что это именно дискуссия между идеологиями: и потому, что в риторике различных участников политического процесса отчетливо видны ориентированные на действия системы убеждений, и потому, что это довольно разные системы убеждений, которые расходятся в понимании многих вопросов. Тем не менее состояние этой дискуссии обладает рядом примечательных черт. Во-первых, в силу стремительной интернетизации российского общества произошла диверсификация того коммуникативного пространства, в котором проявляется конкуренция видений развития общества: выразителем мнения по таким вопросам стали не только политические партии, но и пользователи сети Интернет, которые ставят соответствующие вопросы с иной интенсивностью и тональностью. Во-вторых, риторика, акцентирующая соответствующие вопросы, балансирует между социалистическими, либеральными и консервативными ценностями. В-третьих, ценности, служившие базой социализма, либерализма и консерватизма, подвергаются ревизии и узкой локализации: какие-то частные ценностные индикаторы оказываются высоко востребованы в нынешнем российском социуме, а какие-то приобретают фактически маргинальный статус. Таким образом, те предположения о характере проявления идеологий в обществе позднего модерна, которые мы высказали выше, в целом подтверждаются.

Выводы

Исходным импульсом написания настоящей статьи послужило стремление продвинуться в разрешении принципиального противоречия между отчетливым интересом социально-гуманитарной науки к обострившейся в современном мире конкуренции различных видений общественного развития и отсутствием у ученых уверенности в том, что эту ситуацию можно изучать с помощью концепта «идеология». Знакомясь с различными точками зрения по релевантным вопросам, мы пришли к выводу, что общество позднего модерна создало достаточно своеобразные условия для формирования и функционирования ориентированных на действия систем убеждений, которые мы (вслед за Шварцмантелем)

и рассматриваем как идеологии. Во-первых, общество позднего модерна приводит к умножению количества информационных потоков и диверсификации того коммуникативного пространства, в котором и возможно формирование идеологий. Во-вторых, в политическом процессе общества позднего модерна оказалась снижена роль традиционного создателя и ретранслятора идеологий — политических партий. В-третьих, специфика экономического и политического процесса общества позднего модерна привела к редукции классовой конкуренции, традиционно рассматривавшейся учеными в качестве базовой для развития идеологий. В-четвертых, сама идея всеобъемлющих, масштабных проектов переустройства общества сильно дискредитировала себя в XX веке и потому жизнеспособность подобных масштабных систем убеждений в обществе позднего модерна оказалась под сомнением.

Признавая определенную убедительность и справедливость перечисленных аргументов, мы тем не менее в своих рассуждениях пришли к выводу, что ни один из них не доказывает однозначно факт исчезновения идеологий из жизни общества позднего модерна, а лишь свидетельствует о том, что режим функционирования идеологических систем меняется. Своеобразная мимикрия идеологии в обществе позднего модерна может проявиться в трех взаимосвязанных тенденциях. Во-первых, в диверсификации пространства формирования идеологий. Во-вторых, в их концептуальной гибридности. В-третьих, в локальности вопросов, которые ложатся в основу их базовой риторики. Соотнеся эти предположения с эмпирически локальным контекстом российского общества накануне и во время выборов в Государственную Думу 18 сентября 2016 года, мы убедились в том, что такие трансформации феномена идеологии действительно имеют место. По крайней мере, в современном российском обществе. Мы убедились, что в силу интернетизации общества в России произошла отчетливая диверсификация того коммуникативного пространства, в котором происходит конкуренция видений развития общества: все более активную роль в этом пространстве начинают играть рядовые граждане, выражающие свое мнение в Интернете. Кроме того, риторика соответствующих дискуссий в России накануне выборов 2016 года оказалась принципиально гибридной и строилась на хрупком балансе идей социализма, консерватизма, либерализма. Наконец, ценности, служившие базой социализма, либерализма и консерватизма в российском социуме подверглись ревизии: значимые в текущем времени вопросы получили большое внимание, тогда как другие, не имеющие си-юминутной значимости, оказались отброшены.

Главный вывод, который был получен нами по итогам проделанной работы, заключается в том, что говорить об отмирании феномена идеологий в обществе позднего модерна нецелесообразно. Проведенный нами анализ показывает, что убедительных аргументов в пользу тезиса о конце идеологий нет. Если исходить из того, что идеология — это ориентированная на действия система убеждений, то констатировать исчезновение таких систем из политического процесса общества позднего модерна преждевременно: преобладающая риторика актуальных

политических дискуссий говорит о том, что такие системы продолжают функционировать. На наш взгляд, очевидна трансформация того статуса и смыслового наполнения, которые в силу объективных факторов присущи подобным системам в обществе позднего модерна. Соответственно, конкуренция «оптик» дальнейшего развития общества, которая наметилась в современных общественно-политических реалиях и уже привлекла внимание исследователей, вполне может быть описана в качестве идеологической конкуренции. Тем не менее категориальный и методологический аппарат, применяемый социально-гуманитарной наукой в области анализа идеологий, нуждается в ревизии и дополнительных «настройках», которые повысят его эвристические возможности и точность в описании идеологической полемики в специфических условиях общества позднего модерна.

Литература

- Барботько Л. М., Войтов В. А., Мирский Э. М.* (2000). Тотальная идеология против тоталитарного государства // Вопросы философии. № 11. С. 12–27.
- Бызов Л. Г.* (2007). Избирательный цикл 2007–2008 гг.: мотивация участия в выборах // Мониторинг общественного мнения. № 1. С. 16–26.
- Бызов Л. Г.* (2013). Идеинные и ценностные аспекты политической борьбы в избирательном цикле 2011–2012 гг. // Федоров В. В. (ред.). От плебисцита — к выборам: как и почему россияне голосовали на выборах 2011–2012 гг. М.: Практис. С. 18–99.
- Бызов Л. Г.* (2017). Динамика политических ценностей россиян // Горшков М. К., Петухов В. В. (ред.). Российское общество и вызовы времени. Книга пятая. М.: Весь мир. С. 235–252.
- Валлерстайн И.* (2003). После либерализма / Пер. с англ. М. М. Гурвица, П. М. Кудюкина, П. В. Феденко под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: УРСС.
- Дилигенский Г. Г.* (2000). «Запад» в российском общественном сознании // Общественные науки и современность. № 5. С. 5–19.
- Дубин Б. В.* (2007). Первый: Борис Ельцин в общественном мнении России // Вестник общественного мнения. № 4. С. 28–38.
- Косолапов И. А.* (1994) Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов // Вопросы философии. № 1. С. 3–25.
- Кузнецов И. М.* (2017). Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социологические исследования. № 1. С. 47–55.
- Мусихин Г. И.* (2013). Очерки теории идеологий. М.: ВШЭ.
- Петухов В. В.* (2005). Общественная мораль и государство // Мониторинг общественного мнения. № 7. С. 7–16.
- Петухов В. В.* (2015). Политическое и социальное участие: новые практики // Горшков М. К., Петухов В. В. (ред.) Российское общество и вызовы времени. Книга вторая. М.: Весь мир. С. 150–164.

- Пляйс Я. А. (2010). Есть ли будущее у политических идеологий? // *Обозреватель*. № 9. С. 66–82.
- Чугров С. В. (2016). Российская политика сквозь призму социологических замечаний // *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 183–191.
- Шварцмантель Д. (2009). *Идеология и политика* / Пер. с англ. Е. В. Пызиной под ред. Т. И. Арсеньевой. Харьков: Гуманитарный Центр.
- Abercrombie N., Hill S., Turner B. S. (1980). *The Dominant Ideology Thesis*. L.: Allen & Unwin.
- Converse P. (2006). The Nature of Belief Systems in Mass Publics (1964) // *Critical Review*. Vol. 18. № 1/3. P. 1–74.
- Giddens A. (1991a). *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity.
- Giddens A. (1991b). Four Theses on Ideology // Kroker A., Kroker M. (eds.). *Ideology and Power in the Age of Lenin in Ruins*. N.Y.: St. Martin's Press. P. 21–24.
- Joas H. (2008). Punishment and Respect // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 8. № 2. P. 159–177.
- Lefort C. (1991). On the Genesis of Ideology in Modern Societies // Kroker A., Kroker M. (eds.). *Ideology and Power in the Age of Lenin in Ruins*. N.Y.: St. Martin's Press. P. 46–86.
- Seliger M. (1976). *Ideology and Politics*. L.: Allen & Unwin.

Ideology in Late Modern Society: Disappearance or Transformation?

Dmitry V. Rudenkin

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University

Address: Mira str., 19, Ekaterinburg, Russian Federation 620002

E-mail: d.v.rudenkin@urfu.ru

Aleksei V. Loginov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Social Philosophy, Ural Federal University

Address: Mira str., 19, Ekaterinburg, Russian Federation 620002

E-mail: alexeyloginov@urfu.ru

The article is devoted to the analysis of the specific role of ideology in the political reality of late modern society. The authors describe a notable contradiction between a steady interest of social science to the competition of ideas of the development of society and the growing doubts of the applicability of classical theories of ideology for describing and comprehending such a competition. The theoretical analysis of contemporary social theory shows that ideology can be described as an action-oriented system of beliefs, and that there are different views on the status

of such systems in the political reality of late modern society. During the theoretical analysis, the authors conclude that the idea of the disappearance of ideology from the political process of late modern society has an important conceptual argumentation, but it does not find any cogent empirical evidence. It is more likely that ideology does not disappear from the political reality of late modern society, but it changes to meet new social requirements. Late modern society creates special conditions for the manifestation of ideology by diversifying the information field, reducing the role of political parties, discrediting many fundamental ideological projects, and reducing the class struggle. Altogether, these conditions make ideology change, but they do not make it disappear from the political reality. This hypothesis is correlated with the data of the sociological research conducted by the authors on the case of ideological competition in Russian society before the parliamentary elections in 2016. The analysis of the data of this research shows that ideology still exists in contemporary Russian society, and allows its description as a hybrid in the value kernel and local in its rhetoric system of beliefs. Thus, the authors conclude that it is possible to describe the political processes of late modern society with using the term "ideology". The term "ideology" which does not lose its heuristic possibilities, but requires a "reconfiguration" of the methodology of social science.

Keywords: ideology, post-Soviet Russia, modernity, late modernity, socialism, conservatism, liberalism, values

References

- Abercrombie N., Hill S., Turner B. S. (1980) *The Dominant Ideology Thesis*, London: Allen & Unwin.
- Barbotko L., Voitov V., Mirsky E. (2000) Total'naya ideologiya protiv totalitarnogo gosudarstva [A Total Ideology against a Totalitarian State]. *Russian Studies in Philosophy*, no 11, pp. 12–27.
- Byzov L. (2007) Izbiratel'nyj cikel 2007–2008 gg.: motivacija uchastija v vyborah [Election Cycle 2007–2008: Motivation for Participation in Elections]. *The Monitoring of Public Opinion*, no 1, pp. 16–26.
- Byzov L. (2013) Idejnye i cennostnye aspekty politicheskoj bor'by v izbiratel'nom cikle 2011–2012 gg. [Ideological and Value Aspects of Political Struggle in the Electoral Cycle 2011–2012]. *Ot plebiscita — k vyboram: kak i pochemu rossijane golosovali na vyborah 2011–2012 gg.* [From the Plebiscite to the Elections: How and Why did the Russians Vote in the 2011–2012 Elections] (ed. V. Fyodorov), Moscow: Praxis, pp. 18–99.
- Byzov L. (2017) Dinamika politicheskikh cennostej rossijan [Dynamics of Political Values of Russians]. *Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga pjataja* [Russian Society and the Challenges of Time, Book Five] (eds. M. Gorshkov, V. Petukhov), Moscow: Ves mir, pp. 235–252.
- Chugrov S. (2016) Rossijskaja politika skvoz' prizmu sociologicheskikh zamerov [Russian Politics through the Prism of Sociological Analysis]. *Polis: Political Studies*, no 5, pp. 183–191.
- Converse P. (2006) The Nature of Belief Systems in Mass Publics (1964). *Critical Review*, vol. 18, no 1-3, pp. 1–74.
- Diligensky G. (2000) "Zapad" v rossijskom obshhestvennom soznanii [The "West" in Russian Public Mind]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 5, pp. 5–19.
- Dubin B. (2007) Pervyj: Boris El'cin v obshhestvennom mnenii Rossii [The First One: Boris Yeltsin in the Public Opinion of Russia]. *Russian Public Opinion Herald*, no 4, pp. 28–38.
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Cambridge: Polity.
- Giddens A. (1991) Four Theses on Ideology. *Ideology and Power in the Age of Lenin in Ruins* (eds. A. Kroker, M. Kroker), New York: St. Martin's Press, pp. 21–24.
- Joas H. (2008) Punishment and Respect. *Journal of Classical Sociology*, vol. 8, no 2, pp. 159–177.
- Kosolapov I. (1994) Integrativnaya ideologiya dlya Rossii: intellektual'nyj i politicheskiy vyzov [Integrative Ideology for Russia: Intellectual and Political Challenge]. *Russian Studies in Philosophy*, no 1, pp. 3–25.
- Kuznetsov I. (2017) Cennostnye orientiry i social'no-politicheskie ustanovki rossijan [Values and socio-political attitudes of Russians]. *Sociological Studies*, no 1, pp. 47–55.
- Lefort C. (1991) On the Genesis of Ideology in Modern Societies. *Ideology and Power in the Age of Lenin in Ruins* (eds. A. Kroker, M. Kroker), New York: St. Martin's Press, pp. 46–86.

- Musikhin G. (2013) *Ocherki teorii ideologii* [Essays on the Theory of Ideologies], Moscow: HSE.
- Petukhov V. (2005) *Obshhestvennaja moral' i gosudarstvo* [Public Morals and the State]. *Monitoring of Public Opinion*, no 7, pp. 7–16.
- Petukhov V. (2015) *Politicheskoe i social'noe uchastie: novye praktiki* [Political and Social Participation: New Practices]. *Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraja* [Russian Society and the Challenges of Time, Book Two] (eds. M. Gorshkov, V. Petukhov), Moscow: Ves mir, pp. 150–164.
- Plyays Y. (2010) *Est' li budushhee u politicheskikh ideologij?* [Is There a Future for Political Ideologies?]. *Observer*, no 9, pp. 66–82.
- Schwarzmantel J. (2009) *Ideologija i politika* [Ideology and Politics], Kharkov: Humanities Center.
- Seliger M. (1976) *Ideology and Politics*, London: Allen & Unwin.
- Wallerstein I. (2003) *Posle liberalizma* [After Liberalism], Moscow: URSS.